

Тетради

Русской экспертной школы

2017 № 2

Москва
Русская экспертная школа
2017

УДК 316.75(470+671)
ББК 60.0(2Рос)
ТЗ7

Партнёры:

Всемирный русский народный собор
Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова

Книга издана при финансовой помощи
Фонда просвещения «МЕТА»

ТЗ7 **Тетради Русской экспертной школы** : научное издание / Под ред. В.А. Щипкова. – М. : «Русская экспертная школа», Пробел-2000, 2017. – 120 с.

ISBN 978-5-98604-610-5

Настоящий номер Тетрадей Русской экспертной школы представляет собой сборник экспертных позиций, обсуждавшихся на семинаре Школы 18 февраля 2017 года. В этом номере рассматриваются следующие вопросы: кто создаёт современных «литературных классиков», что нам даёт представление о России как о стране цивилизации, каковы истоки русофобии в США, чем «компетенции» угрожают знаниям в современных образовательных подходах и как христианский взгляд влияет на историческую память в России.

Наши электронные контакты:
ruseschool@yandex.ru
vk.com/ruseschool

ISBN 978-5-98604-610-5

© Русская экспертная школа, 2017.
© Щипков В.А., 2017.
© «Пробел-2000», 2017.
© Фонд просвещения «МЕТА», 2017.

Содержание

В.Н. Расторгуев

Что нам даёт представление о России
как о стране-цивилизации? 5

Е.А. Белжеларский

Литературные премии и идеология
(как делают «классиков») 31

Д.О. Дробницкий

Истоки русофобии в США 51

А.П. Козырев

Компетенции вместо знаний:
работает ли болонская система в России 80

В.А. Щипков

Язык и время: на каком языке
мы будем разговаривать в XXI веке 113

ИСТОКИ РУСОФОБИИ В США

Прежде чем перейти собственно к теме американской русофобии и её истоков, необходимо сделать одно важное замечание. Я буду рассказывать не только о результатах своих исследований, но и о методе, который в этих исследованиях применялся. В рамках проекта «Терра Америка», в котором мне посчастливилось принять участие, мы с коллегами называли этот метод интеллектуальным расследованием. Суть его состоит в том, что «расследователь», приступая к рассмотрению какого-либо сложного явления, отказывается от какого-либо уже существующего экспертного суждения относительно предмета своего исследования. Заранее на веру ничего не принимается. Факты не отбираются в угоду какой-либо концепции, а рассматриваются во всём своём объёме для того, чтобы выявить их универсальную взаимосвязь. Такая взаимосвязь и будет механизмом появления или «работы» того или иного явления.

Почему методологическая сторона вопроса так важна? Дело в том, что каждый раз, когда в образованной, читающей аудитории заходит разговор о столь неоднозначной теме как американская русофобия (или, как принято в определённых средах говорить, русофобия англо-саксонская), неизбежно сталкиваешься с априорными суждениями о её происхождении, основанными на самых разных теориях, некоторые из которых носят откровенно конспирологический характер.

«Конспирологичность» сама по себе, конечно, не может быть основанием для отбраковывания теории. Любую конспирологию, как было принято говорить на планёрках «Терра Америка», необходимо «расколдовать», то есть выяснить, есть ли за ней некий реальный ме-

ханизм, функционирование которого приводит к наблюдаемым результатам. Если такого механизма не предъявлено, то такая теория не может считаться научной в полной мере.

Есть теория о вечной вражде континентальных и морских держав. Есть мнение, что мы и англосаксы испытываем друг к другу некую социобиологическую ненависть. Это нельзя полностью исключать, но до тех пор, пока не выявлен механизм возникновения и постоянно-го воспроизводства такой вражды и такой ненависти, мы не можем пользоваться этими теориями и строить на них своё мировоззрение. Всё, что до сих пор предъявлено в качестве доказательств таких теорий — это, на мой взгляд, всё сплошь «гомеопатия» и «глобальное потепление», то есть постулаты и заклинания, а не научные доводы.

Также часто говорят о массовой психологии, но массовая психология — это почти всегда манипуляция массовым сознанием. Надо понять, кто, как и зачем это делает, а не постулировать, что тот или иной факт массовой психологии имеет место.

Поскольку моя область деятельности относится к сфере политологии, я постараюсь продемонстрировать политический механизм зарождения, закрепления и воспроизводства русофобии в Америке. При этом очень важен переход от глобального противостояния СССР и западного блока к нынешней ситуации, когда не стоит вопрос «или-или» и нет идеологического противостояния.

При рассмотрении проблемы русофобии неизбежно возникает ещё одна сложность. Некоторая часть читающей публики считает, что такой проблемы вовсе не существует или она носит ситуативный характер. Скажем, стоит отдать некую незначительную часть своей территории, сменить «режим» или сделать ограниченный ряд уступок, и русофобия исчезнет. Но в таком случае это не проблема русофобии. Точнее, следовало бы говорить не о русофобии, а о некой другой проблеме.

Как будет показано ниже, мы имеем дело именно с русофобией (а не, скажем, с «советофобией» или «путинофобией»), причём

проблема носит политический характер, то есть связана с политическими течениями и теориями, различными фракциями, так называемыми группами специальных интересов. И всё это — в историческом развитии.

В таком случае мы имеем дело с практической политологической проблемой, о которой можно говорить, в том числе можно дискутировать с теми, кого мы считаем русофобами. И есть шанс — может быть, не при жизни этого поколения — решить когда-нибудь данную проблему. Иными словами, русофобия, которая «не лечится», для данного рассмотрения бессмысленна. В таком случае нужны не специалисты по политике, а военные специалисты, поскольку «неизлечимая русофобия» в лучшем случае ведёт к бесконечному взаимному сдерживанию, в худшем — к некой финальной и решительной битве.

Как уже говорили, мы будем рассматривать проблему в исторической ретроспективе. Это важно, поскольку мы говорим не просто о русофобии, а о её истоках. Стало быть, мы должны указать время, когда она совершенно точно существует, «отмотать» назад до времени, когда её не было, а затем попытаться «нащупать» момент, когда она появилась, и разобраться в происходивших тогда политических процессах.

Если спросить у любого россиянина, который читает Интернет или смотрит новости по телевизору и интересуется американской или международной политикой, какое лицо (лицо американца, разумеется) у него более всего ассоциируется с русофобией, то в ответ мы предсказуемо услышим имя Джона Маккейна. Можно показать картинки, как на полицейском опознании, и очень многие узнают его лицо.

На Маккейна можно было бы не обращать внимания. Действительно, это очень убеждённый «ястреб», его молодость прошла в самый разгар холодной войны, он воевал во Вьетнаме и попал в плен, где его, как известно, пытали. Теперь же человек может находиться в плену своего прошлого опыта и прошлой картины мира.

Но Маккейн не единственное лицо русофобии в Америке. Просто он наиболее узнаваемое из них. Предъявим ещё двух персонажей: сенатора Марко Рубио, который в 2016 году участвовал в президентских праймериз, и лидера республиканского большинства в Сенате Митч Макконнелл. Втроём (Маккейн, Рубио и Макконнелл) они представляют собой группу весьма влиятельных и, главное, системных политиков. Это не маргиналы и не городские сумасшедшие, а уважаемые конгрессмены. Притом ни одного из них нельзя назвать либералом.

Каждый из них за прошедший 2016 год хотя бы раз произносил фразу «Putin is a thug», то есть «Путин — головорез», «убийца», «бандит» и т. п. Казалось бы, к русофобии это не имеет никакого отношения, но наши «герои» не ограничиваются высказываниями в отношении российского президента. За тот же год каждый из них с теми или иными вариациями произнёс следующую фразу. Приведу её сначала в английском варианте: «Russians are inherently (intrinsically) aggressive. They will never share (adopt) our values», то есть: «Русские по своему внутреннему содержанию (по своей природе) агрессивны. Они никогда не разделят (не примут) наши ценности».

Не Путин, а именно русские, что с очевидностью переводит проблему из плоскости «не тот режим» в плоскость «не тот народ». Подчеркну, речь идёт об очень известных системных политиках. Двое из них могли бы стать президентами США. Один из них, Марко Рубио, по всей видимости, сделает ещё одну попытку. И они говорят такие вещи. Разумеется, у каждого из них есть «извинения». Макконнеллу уже давно пора на пенсию. Маккейн воевал во Вьетнаме, попал в плен, подвергался там пыткам, так что психика его могла быть надломлена. Рубио — молодой неокон, неопытный и, честно говоря, не очень далёкий, попавший под влияние старших товарищей.

Позвольте привести ещё один пример. Это Томас Грэм, управляющий директор Kissinger Associates, реалист из реалистов, не преисполненный какими-то негативными чувствами по отношению к

нашей стране. Наоборот, следуя заветам основателя фирмы, Генри Киссинджера, он старается всячески рационализировать российско-американские отношения. В 2014 году Грэм написал следующее: «Путин является голосом русского консенсуса о роли России в мире. Этот консенсус имеет глубокие корни в русской истории и традиции стратегической мысли. Короче говоря, мы имеем дело не с проблемой Путина, а с русской проблемой. Реальность создаёт значительные препятствия для сотрудничества даже по вопросам, представляющим общий интерес».

Здесь важны два аспекта: во-первых, русская проблема существует, во-вторых, не стоит надеяться на то, что с русскими, с их историей и традициями, можно когда-нибудь не то что подружиться, а даже договориться. Если это не русофобия, то скажите мне, что это.

Между тем в американской политике отнюдь не все являются русофобами, ни в смысле Маккейна, ни в смысле Грэма. Вот неполный перечень таких людей: Пол и Рэнд Полы, Патрик Бьюкенен, Джон Макфарлейн, Дана Рорабахер, Пол Крейг Робертс, Тулси Габбард и другие. Подчеркну — это неполный список. Особенно выделяется здесь г-жа Габбард, молодая представительница Демократической партии. Она была пламенной сторонницей Берни Сандерса на демократических праймериз 2016 года, вышла из состава руководящих органов Демократического национального комитета в знак протеста против махинаций на первичных выборах и продолжала поддерживать старика Сандерса даже тогда, когда он сам сдался на милость Хиллари. Хотя, казалось бы, она просто воплощение либеральной Америки: индуистка, представитель коренной народности архипелага Гавайи, женщина-офицер морской пехоты. Недавно Габбард съездила в Сирию, на территорию, контролируруемую правительственными войсками, говорила с людьми и по результатам своей поездки представила общественности документальный фильм, весьма оценённый в интернете. Она также встречалась с Башаром Асадом и подробно поделилась впечатлениями об этой встрече в эфире американского телеви-

дения. Эта женщина оказалась смелее, чем Сандерс, она поддержала Трампа (хотя разошлась с ним по вопросам внутренней политики) в том, что с Россией надо налаживать отношения.

Но давайте обратим внимание на ту часть списка, которая относится не к либералам, а к консерваторам. Робертс, Рорабахер, Пол-старший, Бьюкенен, Макфарлейн — все они в своё время входили в команду 40-го президента США Рональда Рейгана, человека, которого многие наши сограждане считают чуть ли не главным историческим врагом. Тем не менее Рейган не был русофобом. С его точки зрения, с момента, когда СССР перестал быть агрессивной атеистической державой, он перестал быть и «империей зла». Часто можно слышать, что неоконсервативная ненависть к нашей стране возникла именно во времена Рейгана, но это не так. Неоконов он держал подальше от себя, Буш-старший вернул их в Вашингтон. Но даже он, преемник Рейгана, не посмел в свой первый срок (второго, как известно, не было) принять решение о расширении НАТО на Восток (это было сделано при президенте Клинтоне). То есть сегодня очень часто имя Рейгана упоминается всуе, когда произносятся агрессивные и в целом русофобские речи — якобы именно он показал, как надо разговаривать с «этими проклятыми русскими», но Рейган тут ни при чём. Как раз он чётко разделял идеологию, геополитику и собственно «цивилизационную несовместимость». Он считал, что последнее явление — надуманное, конъюнктурное.

Разумеется, русофобом нельзя назвать и 45-го президента США Дональда Трампа. Но как только он заговорил о сближении с Россией, о том, чтобы поладить с ней и совместно бороться с международным терроризмом, его обвинили в том, что он является русским агентом. Впрочем, он является не первым американским лидером, которого обвиняют в пророссийском уклоне.

И здесь мы начинаем экскурс в историю. Позвольте представить Джона Квинси Адамса, первого официального посла в Россию (1809 – 1814), госсекретаря (1817 – 1825) и 6-го президента США

(1825 – 1829). По сути дела, Адамс персонализировал собой золотой век в отношениях между США и Россией, продлившийся до 20-х годов XX века, и он же является автором так называемой Доктрины Монро, к которой в определённой степени пытается вернуться и Трамп. Лозунг «Америка прежде всего!» («America First!») появился именно тогда. Президент Джеймс Монро (и в то время госсекретарь Адамс) считал, что Соединённые Штаты должны держаться подальше от европейских конфликтов и всячески отбивать попытки европейцев вмешаться в дела Западного Полушария. До 1940-х это считалось аксиомой, и это при том, что первой экономикой мира США стали в 1898 году и не уступили это звание никому ни накануне Первой Мировой, ни во время так называемой Великой Депрессии — во всяком случае, по тем данным, которым я доверяю.

Но вернёмся к исторической ретроспективе. Несмотря на то, что отношение к нашей стране было тогда принципиально иным, Адамса во время предвыборной кампании 1824 года пытались обвинить в том, что он, проведя много времени в Санкт-Петербурге, стал русским агентом, что не помешало ему стать президентом. Причём речь шла не о воле избирателей, далёких от внешнеполитических разборок, а о сознательном решении истеблишмента. Поскольку ни один из кандидатов на выборах 1824-го не набрал необходимого количества голосов выборщиков, всё решалось в Палате Представителей Конгресса. Конгресс сделал «русского агента» президентом. Можем ли мы сейчас представить подобное?

Когда-то Россия и США были очень дружны. Во время войны за независимость, в 1779 году, английский король Георг III обратился к императрице Екатерине II с просьбой отправить в американские колонии 20-тысячный экспедиционный корпус для помощи британским войскам в подавлении революции. За каждого солдата британский монарх пообещал 9 фунтов золотом. По тем временам это была немалая сумма, особенно учитывая, что «проездные», питание и снабжение боеприпасами оплачивались отдельно. Это было чрезвычайно

соблазнительным предложением, особенно учитывая начинавшееся тогда противостояние Лондона и Санкт-Петербурга. Представьте себе, что бы случилось, если бы государыня императрица ответила согласием на просьбу британской короны! 1779 год — это практически пик военной карьеры Александра Васильевича Суворова и его доктрины войны не числом, а умением. К тому времени чудо-богатыри Суворова уже одержали немало побед за счёт своей передовой тактики и идеальной боевой выучки. 20 тысяч отборных русских солдат под должным руководством не оставили бы камня на камне от молодой американской государственности.

Но Екатерина не пожелала растоптать заокеанскую республику. Она отклонила просьбу Георга III, сославшись на «потребность в войсках на других театрах», а также (и это очень важно!) на то, что отправка корпуса «не послужит славе Российской империи», то есть это было принципиальным проамериканским решением. Годом позже Россия возглавила лигу неприсоединившихся государств, которые отказались поддержать Лондон в его войне с североамериканскими штатами и, по сути дела, прорвали торговую блокаду мятежных колоний. Когда очередные русские транспортные корабли прибыли в Америку, их встречали с большой помпой и фейерверками. Сэмюель Хинтингтон (нет, не автор «Столкновения цивилизаций», а президент Континентального Конгресса) написал тогда в официальном письме в Петербург: «Конгресс желает, чтобы чувства и мероприятия, изложенные в прилагаемом документе и затрагивающие этот важный сюжет, были бы доведены до сведения нашей великой и доброй союзницы как только это окажется возможным». Вот так — великой и доброй союзницы.

Спустя почти век, в ходе Крымской войны 1853 – 1856 гг., пришла очередь Соединённых Штатов оказывать России поддержку. Президент Франклин Пирс заявил русскому послу, что Америка готова вступить в войну на стороне Санкт-Петербурга, если положение нашей армии в Крыму станет отчаянным. Россия настаивала на сохране-

нии Америкой нейтралитета и даже отказалась принимать два добровольческих корпуса, которые были готовы к отплытию из Нью-Йорка. Тем не менее в Россию шли транспорты с оружием и боеприпасами, в Севастополь прибыли 50 высококлассных военных врачей, которые оказали неоценимую помощь русским солдатам.

Позже по этому поводу российский канцлер Горчаков писал в своих воспоминаниях: «Симпатии американской нации к нам не ослабевали в продолжение всей войны, и Америка оказала нам прямо или косвенно больше услуг, чем можно было бы ожидать от державы, придерживающейся строгого нейтралитета».

Менее чем через 10 лет наступает очередь ответной услуги России — в ходе войны между Севером и Югом. Наша страна выступает на стороне Севера, заявляя о «вооружённом нейтралитете». В адрес Линкольна идут письма с выражением поддержки и «заинтересованности России в нерушимости Американского Союза». Северяне тогда называли США «Союзом» (и это было очень важно с идеологической точки зрения), а южане говорили о себе как о Конфедерации. Россия же говорила о заинтересованности в Союзе. В 1863 году почти синхронно, с разницей в два дня, в Нью-Йорк и Сан-Франциско прибыли две русские эскадры, встреченные у обоих побережий США со всеми подобающими воинскими ритуалами. Известная гравюра о прибытии наших кораблей в Нью-Йорк до сих пор хранится и демонстрируется в музее Конгресса. Как известно из истории, морская блокада Конфедерации сыграла решающую роль в победе Севера. Так «вооружённый нейтралитет» России, по сути дела, был поддержкой этой блокады.

Уже в XX веке, правда, ненадолго, Россия и США становятся союзниками в Первой Мировой войне, затем американские войска в рамках общей операции Антанты проводят непродолжительную операцию на северо-западе России. Соединённые Штаты не признают большевистское правительство вплоть до 1930 года, что не мешает, однако, американским, как бы сейчас сказали, НКО, помогать русским

людям. Так, в 1920 – 1921 гг. Американская ассоциация помощи (ARA) спасла от голода и болезней от 8 до 10 миллионов советских граждан. (Тогда ассоциацию возглавлял Герберт Гувер, который через 9 лет станет президентом США.) На помощь была израсходована гигантская по тем временам сумма — 80 миллионов долларов, 28 миллионов выделил Конгресс США, ещё 39 миллионов собрали простые американцы. Советское правительство выделило на программу 13 миллионов долларов, но не «живыми» деньгами, а госгарантиями, профинансированными американскими частными корпорациями. В отечественных архивах до сих пор хранятся фотографии столовых и лечебниц ARA, а также листовок на русском языке, разъяснявших, как получить помощь в голодающих губерниях.

В 1930-е, когда США уже признали СССР, начинается период, как бы сейчас сказали, прагматичного сотрудничества. Несмотря на то, что в то время не было более антикоммунистического, антилевого и в целом антисоветского государства (с точки зрения внутренней идеологии), чем Соединённые Штаты, в Союз для оказания помощи в индустриализации направляются бизнесмены, инженеры и квалифицированные рабочие. В 1930 – 1935 гг. в Советской России перебивали более 200 тысяч американских специалистов и предпринимателей. В то время у нас активно работали такие фирмы, как Ford Motor Company, General Motors, DuPont de Nemours, International Harvester, Koch Industries, John Deere Co., Caterpillar Tractor, Radio Corp., National City Bank, Chase National, Equitable Trust и другие. Иосиф Сталин появляется на обложке журнала «Time». Именно тогда под вывеской «Магазин для американцев» возникает прообраз хорошо известной в позднесоветский период торговой сети «Берёзка». В отличие от обычных советских магазинов, эти торговые точки были под завязку набиты продуктами и промтоварами, которые продавались за твёрдую валюту. Для американских гостей строят целые посёлки и города повышенной комфортности. Под Нижним Новгородом (тогда — Горьким) был выстроен целый город для заокеанских гостей, в основном для инже-

неров и рабочих Ford Motor Co. и их смежников. Тут производились так нужные советскому сельскому хозяйству трактора и зарождалось отечественное автомобилестроение.

Любопытно, что американские бизнесмены, то есть социально чуждые социалистическому строю люди, тогда с большим пониманием относились к нуждам молодой советской индустрии и очень хорошо относились к русским коллегам. Приведу два примера.

Ford Motor Co. налаживает в Ленинграде выпуск своих небольших тракторов Fordson-F под совместной торговой маркой «Фордзон-Путиловец», кратко — «ФП». Этот легендарный трактор известен нам под другим названием — «Красный путиловец», по названию завода. Эта машина стала символом коллективизации, она демонстрируется в кино, её изображают на агитационных плакатах, а позже она войдёт в учебники истории. Кстати, образ женщины-трактористки, строящей коммунизм на селе, также был подсказан маркетологами Форда. В Санкт-Петербурге (тогда — Ленинграде) в ходе первой демонстрации американского «железного коня» трактором Fordson управляли девушки, приехавшие в СССР в составе делегации Ford Motor Co. Это был уже хорошо отработанный Генри Фордом ход: если с его автомобилем или трактором может управиться женщина, значит машина чрезвычайно проста в управлении и обслуживании.

Уже через пару лет было решено минимизировать лицензионные отчисления американскому партнёру. С радиатора трактора исчезли буквы «ФП», на месте осталась только красная звезда, со сборочного цеха также сняли надпись «Фордзон-Путиловец». Более того, наши инженеры разобрали трактор, изучили его несложную конструкцию, выбросили из неё «ненужные детали» и стали собирать уже как собственную разработку. По прошествии нескольких месяцев выяснилось, что качество машин сильно ухудшилось. Советскому руководству хватило наглости написать претензию в США. Вообще американский контрагент мог потребовать неустойки и раструбить о поведении «этих русских» на весь мир. Но Генри Форд не только не

стал требовать компенсации за нарушение лицензионного соглашения, но и помог решить возникшие проблемы, отправив в Россию одну из лучших выездных инженерных бригад.

Через несколько лет правительство СССР приняло решение построить завод по производству более крупных и мощных тракторов и начало переговоры с фирмами International Harvester и Caterpillar Tractor (Ford принципиально производил трактора для малых фермерских хозяйств). Поскольку Генри Форд был в определённой степени первопроходцем технологического сотрудничества с Советской Россией, за советом обратились к нему — можно ли русским доверять и насколько сложно внедрять новые технологии в «этой стране». Форд дал самую лестную оценку деловым качествам и профессиональной подготовке советских инженеров, ни словом не обмолвившись о «недоразумении» с лицензионными платежами. В 1932 году на заводах в Харькове и Сталинграде началось производство нескольких моделей тракторов International Harvester. Как не вспомнить Сталинградский тракторный завод! Именно здесь были произведены и переданы экипажам Т-34-ки, осуществлявшие контрнаступление под Москвой в декабре 1941-го.

Раз уж мы вспомнили легендарный танк Победы, есть смысл рассказать и ещё об одном американском инженере и бизнесмене, поработавшем на СССР. Его имя мало известно отечественной публике, зато тем, кто интересуется американской политикой, хорошо знакомы его сыновья, Дэвид и Чарльз Кох, до недавнего времени — две наиболее демонизируемые леволлиберальными политиками личности. До того времени, когда на политическом небосклоне не появился Дональд Трамп. Братья Кох — главные спонсоры правоконсервативного Движения Чаепития, которое в 2010 году на промежуточных выборах в Конгресс вернуло Республиканской партии контроль над Палатой Представителей, а в 2014-м — и над Сенатом. До «революции Трампа» одним из самых ярких событий в политической жизни США был «чайный бунт» (названный по аналогии с Бостонским чае-

питием, бунтом в порту Бостона в 1773 году — событием, считающимся отправной точкой американской революции). В 2016 году братья Кох собирались потратить на выборы разных уровней более миллиарда долларов. Их фаворитом был сенатор Тед Круз — классический «чайный» политик.

Основу бизнес-империи братьев Кох заложил их отец, Фред Чейз Кох, одарённый и предприимчивый инженер-химик. В фамильном имении Кохов висит огромный портрет этого человека кисти художника, чьё имя не разглашается. В 1927 году Кох-старший изобрёл новый способ крекинга нефти, наиболее передовой для того времени. Новая технология позволяла при относительно небольших инвестициях осуществлять быстрое строительство нефтеперегонных заводов, в том числе и небольших. Эти заводы давали потрясающие результаты — разделять фракции нефти стало легче и дешевле. Такое изобретение ставило под угрозу монополию американских нефтяных гигантов, теперь более мелкие игроки могли составить им конкуренцию по цене и качеству бензина, а главное — дизельного топлива, которое тогда только начинало становиться «кровью» тракторов и танков. Нефтяные компании развязали против Фреда Коха патентную войну. Предприниматель не сдавался и отчаянно сражался в судах, но быстро опустошаемые счета заставили его искать применение своих талантов за рубежом. Разослав свои рекламные брошюры в несколько десятков торговых и дипломатических представительств, он получил неожиданное приглашение в Советский Союз. 1929 — 1932 гг. Кох построил в СССР 15 самых современных на тот момент времени НПЗ, которые позволяли получать очень качественное дизельное топливо и относительно неплохой бензин — и всё это быстро и дёшево. Как и большинство американских бизнесменов и инженеров, Кох работал на условиях передачи технологий нашей стране. В рамках своего контракта он не только поставил на поток строительство НПЗ нового типа, но и обучил более трёхсот советских инженеров, которые к его отъезду досконально знали детали новой технологии.

В первые три года Великой Отечественной войны дизтопливо для Т-34-ки поставлялось с заводов, построенных благодаря сотрудничеству СССР с Фредом Чейзом Кохом. Вернувшись из СССР в США, Кох написал ставшую бестселлером книгу «Бизнесмен смотрит на коммунизм». Сейчас эта работа, увы, стала раритетом, но всякому, кто имеет возможность прочесть её в интернете или в бумажном варианте (насколько я знаю, перевода на русский так и не было сделано), я советую это сделать. Фред Кох не относился к числу тех граждан западных государств, которые в 1920 – 1930-е гг. восхищались СССР и были готовы бескомпромиссно и безвозмездно рекламировать «самый справедливый строй на планете». Кох не был левым, он был консерватором и бизнесменом. Розовых очков у него не было, так что происходящее в Советской России его ужаснуло. Он писал об СССР как о стране «голода, мучений и террора». Его отец сделал весьма действенную антисоциалистическую прививку своим сыновьям, ведь он видел построение реального социализма. Но ничего плохого о русском народе, о каком-то его врождённом рабстве или враждебности, в его книге вы не найдёте. Наоборот, Фред Кох очень тепло вспоминает о своих русских коллегах и учениках, при этом не называя их имён, боясь их подставить. В книге описывается сцена, как Коху пришлось прятать у себя в ванной от сотрудников ОГПУ (предшественника НКВД) наших инженеров, зашедших к нему поболтать. Убеждённый антикоммунист, не питавший никаких иллюзий относительно сталинизма (и даже ненавидевший его), не был русофобом. Не политик, не политолог, а простой американский инженер и предприниматель умел «отделять мух от котлет» в 1930-е: коммунизм — плохо, русские — отличные люди. Более того, несмотря на «голод и мучения», он очень высоко оценивал перспективы Советского Союза в «ближайшие 10 — 20 лет».

Кох-старший был убеждённым консерватором. Он голосовал за республиканцев всю свою жизнь. А республиканцы тогда были изоляционистами (сегодня это слово приобрело негативную коннотацию, и многим консерваторам приходится уточнять, что они являются нон-

интервенционистами). Впрочем, тогда демократам тоже приходилось мимикрировать. Доктрина Монро считалась главной и единственно правильной основой внешней политики США. Как сейчас — «сдерживать Россию» и «продвигать демократию», тогда было — «не вмешиваться в мировые войны» и «ценить дружбу с Россией при соблюдении нейтралитета».

Это было бы прекрасной внешнеполитической доктриной США сегодня, не правда ли? А в 1940-е для СССР это стало большой проблемой. Соединённые Штаты, вступившие в Первую Мировую войну на самом её излёте, никак не хотели ввязываться во Вторую Мировую. Это сейчас американский изоляционизм (со всеми симпатиями по отношению к Москве) кажется замечательным. А тогда изоляционисты были практически нашими врагами. Они со скрипом согласились на ленд-лиз, а об открытии второго фронта и слышать не хотели.

В 1940 году в США состоялись очередные президентские выборы. Само собой, от Демократической партии на переизбрание шёл Франклин Делано Рузвельт (тогда в США ещё не было конституционного ограничения на количество президентских сроков, только традиция, заложенная Джорджем Вашингтоном). Республиканцы выступали с позиций изоляционизма: пусть «эти европейцы» сами решают свои дела и проливают кровь за свои «безумные идеи», США должны остаться в стороне. Тогдашний республиканский истеблишмент был представлен Роберто Альфонсо Тафтом, Томасом Дьюи и Артуром Вандербергом. Тогда лозунги «Америка прежде всего!» и «Хватит с нас ненужных интервенций!» звучали на всех республиканских предвыборных мероприятиях. Но только не на митингах, как бы сегодня сказали, несистемного кандидата Уэнделла Уилки, выступавшего за более активную роль Америки в мировых делах. В частности, он требует вступления США во Вторую Мировую с целью решительной победы над нацизмом.

Странно, что сегодня так редко вспоминают Уилки. Дональда Трампа сегодня сравнивают и с Дуайтом Эйзенхауэром, и с Эндрю

Джексоном, и с Россом Перо, но почему-то забывают о наиболее очевидном «историческом близнеце» — Уэнделле Уилки, любимце публике, селебриту, бизнесмену и новичке в политике, который, как и Трамп, рушил все правила предвыборной борьбы и в результате добился республиканской номинации. И точно так же, как Дональд ломал представление о республиканском кандидате как об обязательном внешнеполитическом ястребе. Уэнделл впервые предъявил республиканскую интервенционистскую повестку, причём, как и Трамп, он завоевал симпатии не истеблишмента, а избирателей, которые ждали более активного участия Вашингтона в борьбе с нацизмом.

Гранды американской политической мысли, в частности, Генри Киссинджер, утверждают, что внешняя политика США — это борьба двух школ, «джексонианской» и «вильсоновской», изоляционистской и интернационалистской. Но президент Вудро Вильсон (занимавший пост в 1913 – 1921 гг.), хоть и выступал за более активную международную политику и даже втянул США в Первую Мировую войну, не был интервенционистом. И здесь мы сталкиваемся с одним из трюков так называемого экспертного подхода — подменой понятий со ссылкой на авторитеты. До сих пор люди, которые ратуют за так называемые гуманитарные интервенции и полицейские функции США в мире, называют себя «интернационалистами», а не «интервенционистами». Президент-демократ Вудро Вильсон не был интервенционистом, у него и в мыслях не было отказываться от Доктрины Монро и от концепции «Америка прежде всего». Точно так же, как Франклин Пирс считал моральным долгом Соединённых Штатов выступить на «правильной стороне» в Крымской войне, Вильсон считал своим долгом быть на стороне государств-членов Антанты. Ни о каком вмешательстве в дела других стран на идеологических основаниях он и не помышлял. Уилки же призывал «показать силу демократии немцам». Возможно, эта идея пришла к нему интуитивно, возможно — по «мудрой подсказке», мы, увы, не можем сейчас достоверно утверждать что-либо по этому поводу. Так или иначе, но и Уилки не был русофобом.

Тем не менее тогда американское общественное мнение было настроено против войн за пределами если не самих США, то уж точно за пределами Западного Полушария. Франклин Делано Рузвельт победил на выборах 1940 года как кандидат невмешательства. Многие эксперты говорят сегодня, что он грезил войной и оккупацией половины Европы. Сложно комментировать эти высказывания, мы не можем залезть в голову Рузвельту. Но то, что вокруг него начало формироваться ядро будущего интервенционистского истеблишмента — это факт. Только когда в 1941 году случился Перл-Харбор, американцы ожидаемо потребовали ответного удара, но и тогда разговоров о европейском театре военных действий не шло — это было бы политическим самоубийством. Помните, как Сталину обещали открытие второго фронта в 1942 году? Ведь он был открыт. Только не в Европе, а в Северной Африке. Но Рузвельт приказал держать переброску американских войск и техники за океан в строжайшей тайне: он опасался, что обнародование этой информации самым негативным образом скажется на результатах промежуточных выборов в Конгресс. Лишь после их окончания американские части начали военные действия и, как известно, весьма успешно.

В 1943-м войска союзников вторгаются в Италию, в 1944-м — в Нормандию. И кажется, что мы этому уже не рады. Это уже начало холодной войны. Только взгляните в официальное фото Сталина, Рузвельта и Черчилля в Ялте! Ведь это и есть начало холодной войны, если бы не наличие альтернативы в лице вице-президента Генри Уоллеса. В 1944 году уже мало кто сомневался в том, что президент Рузвельт умирает и, скорее всего, не переживёт свой четвёртый срок. Стало быть, его преемником станет тот, кто в качестве второго лица тандема выиграет выборы 1944-го. На Демократической национальной конференции разворачивается нешуточная борьба. Уоллес — любимчик американских левых, кажется, что альтернативы ему просто нет. Более того, он олицетворяет собой «дружбу народов США и СССР». Незадолго до описываемых событий он по приглашению Молотова

посещает советский Дальний Восток и Сибирь. В ходе своего визита Уоллес делает, разумеется, много ошибок (одна из которых — приравнение труда заключённых ГУЛАГа к освоению американцами «Дикого Запада»), но главный его вывод в целом был верен: двум великим державам следует держаться вместе и учитывать интересы друг друга, и Советский Союз следовал этому императиву. В 1949 году, когда холодная война уже объявлена и у обеих сторон уже есть ядерное оружие, на отечественные экраны выходит фильм «Встреча на Эльбе» (в котором роль американской ЦРУ-шницы и поджигательницы новой войны гениально играет Любовь Орлова). В этом самом фильме русский комендант Берлина, прощаясь со своим американским визави, кричит тому вдогонку: «И запомни, Джон! Дружба народов Советского Союза и Америки — это самый главный вопрос, который стоит сегодня перед человечеством!!!».

Да, шанс тогда был. Но недовольные Уоллесом (и Рузвельтом тоже — просто с ним они не могли ничего поделать) политики на партийной конференции США осуществили дворцовый переворот в условиях республики. Вице-президентом при умирающем любимце нации стал Гэрри Трумэн. Историки описывают его как самого незаинтересованного в своей должности вице — во всяком случае до апреля 1945-го, когда умер Рузвельт. Трумэн часто, как сказали бы сегодня, тусовался: играл в покер, пил виски в компании влиятельных друзей, играл на фортепьяно для «узкого круга», непринуждённо болтал со звёздами Бродвея (и говорят, что даже заводил с ними романы) — словом, «зависал по полной».

Тем временем истеблишмент готовился к смене курса во внешней политике, и когда умер Франклин Делано, Трумэна использовали как таран. Учитывая, что к тому времени Гэрри даже не знал о проекте «Манхэттен», можно себе представить, под каким давлением «политических профессионалов» он тогда оказался. Проходит два напряжённых года, и 12 марта 1947 года новоиспечённый президент, которого тогда никто не считал лидером (а так, врию), произносит свою знаме-

нитую речь перед Конгрессом, в которой излагает так называемую Доктрину Трумэна — США должны быть мировым лидером (кто-то скажет: полицейским), главной военной силой в западном мире, но важнее всего — следить за демократией в других странах. Так возникает либеральный интервенционизм, который наиболее ярко проявился в президентство Билла Клинтона (помните «гуманитарное» разрушение Югославии?), а позже — в Ливии и Сирии, при его супруге, госсекретаре Хиллари. Трумэн говорил о вмешательстве в дела других стран ради защиты «всех свободных людей». Это называлось «приверженностью защищать» (commitment to protect). В 1990-е либеральные интервенционисты и неоконсерваторы слегка подправили формулировку, она стала звучать как «обязанность защищать» (responsibility to protect). Как мы видим, это более сильная формулировка, требующая от политиков действовать, если где-то демократия находится в опасности.

Но вернёмся в 1947 год. В формировании новой доктрины приняли участие политики обеих партий, дипломаты, эксперты, высокопоставленные военные, бизнесмены и лоббисты. Их связка и стала тем, что сегодня известно как внешнеполитический истеблишмент. Отдельно хотелось бы выделить четверых действующих лиц. Это генерал Джордж Маршалл, который в январе 1947 года возвращается в США после неудачной миссии в Китай, где он попытался примирить националистов во главе с Чай Канши и коммунистов, возглавляемых Мао Цзэдуном. К тому времени Маршалл — пятизвёздный генерал, первый военный Соединённых Штатов, получивший такой ранг. Трумэн назначает Маршала госсекретарём. Его заместителем становится Дин Ачесон (он заменит Маршала на посту в 1949-м, после переизбрания Трумэна). Под руководством этого человека и ведётся разработка доктрины. Одновременно видный внешнеполитический эксперт Джордж Кеннан разрабатывает доктрину сдерживания. Она изначально была разработана для противодействия Китаю и СССР и в целом так и использовалась — до 1972 года, когда Никсон и Киссинджер стали во-

влекать Пекин в торговый союз с США. В 1947-м был сделан акцент на сдерживании именно Советского Союза. Кеннан становится, по сути дела, первым в ряду многих последующих влиятельных политических аналитиков, чьи услуги сегодня пользуются и Капитолий, и Белый Дом. Кеннан, правда, со временем отказывается от своей доктрины и становится одним из видных реалистов, но это происходит в течение не одного десятилетия. Свою политическую эволюцию Джордж Кеннан описал в книге «Дневники Кеннана» (Kennan Diaries) (отличная книга, также советую её прочесть).

В 1947-м к Трумэну потянулись и многие республиканские политики, которые были недовольны своим положением в партии. Как я уже говорил, тогда у республиканцев верховодили консерваторы, придерживавшиеся изоляционистской внешней политики. «Защищать всех свободных людей в мире» не входило в их планы. Новое поколение видит для себя шанс опрокинуть старое партийное руководство. В частности, уже упомянутый нами Артур Ванденберг меняет свою политическую позицию, становится одним из первых республиканских ястребов. Он частый гость в Белом Доме, его влияние растёт. Постепенно формируется влиятельная фракция республиканцев, поддерживающих интервенционистскую политику. Так постепенно складывается двухпартийный консенсус в отношении внешней политики.

Ещё несколько слов о Джордже Маршалле. Через два с половиной месяца после обнародования Трумэном своей доктрины Маршалл произносит речь в Гарварде и излагает основные положения своего знаменитого плана. И здесь к военно-политической составляющей добавляется составляющая экономическая — закладывается основа для трансатлантической торговли, формирования общего рынка и взаимозависимой, надгосударственной финансовой системы. В 1953 году за свою послевоенную деятельность Маршалл был удостоен Нобелевской премии мира.

Итак, перед нами президент, представители обеих партий, военные с огромными связями в ВПК, сотрудники госдепартамента,

внешнеполитические эксперты. Это и есть внешнеполитический истеблишмент, тот самый, который сегодня так сопротивляется возврату нон-интервенционистской политики. Потому что истеблишмент становится самовоспроизводящимся, он обладает огромной властью, которой ни с кем не хочет делиться. В Европе (в 1949 году возникает блок НАТО) и в Азии (в ходе корейской войны) у США появляются союзники, которых новый мировой полицейский уже просто обязан защищать. Но новую внешнеполитическую доктрину надо ещё «продать» Конгрессу. Когда проект нового основополагающего документа ложится на стол к Трумэну, тот делится своими соображениями и планами с Ванденбергом. Он хочет знать, что нужно сделать, чтобы законодатели приняли его точку зрения. И Ванденберг говорит президенту: «Идите и напугайте их до чёртиков!».

Следуя этому совету, помощники Трумэна пишут для него речь. Поначалу Ачисону и Кеннану она не нравится. Они считают, что в ней слишком много рассуждений и абстрактной риторики, а нужно сосредоточиться на фактах и целях. Трумэн возражает: «Конгресс не одобрит мой запрос... если только я как следует не разыграю карту угрозы». Президент настоял на своём, и законодатели согласились с Трумэном. Но убедить нужно не только конгрессменов, убедить предстоит весь американский народ. Его тоже нужно было «напугать до чёртиков».

Одним словом, необходимо было выстроить успешную и устойчивую внешнеполитическую доктрину. А какими качествами должна обладать такая доктрина? Во-первых, она должна пользоваться двухпартийной поддержкой, иначе через пару избирательных циклов от новой политики может не остаться и следа. Во-вторых, богатые группы специальных интересов должны её поддерживать, чтобы лоббисты и спонсоры политиков продолжали настаивать на следовании этой доктрине. Иными словами, корпорации и иностранные союзники должны получать от этой доктрины соответствующую выгоду. В-третьих, должны появиться эти самые союзники. Их надо разрекла-

мировать как форпосты демократии или западных ценностей. И когда речь зайдёт о сокращении расходов на интервенционистскую внешнюю политику, эти разговоры должны быть пресечены апелляцией к союзническому долгу. В-четвертых, доктрине должно быть обеспечено интеллектуальное доминирование, то есть мозговые центры и элитократия должны подавать её как само собой разумеющуюся. И когда все эти факторы заработают, образуется огромный пласт самовоспроизводящейся элиты, заинтересованной в сохранении данной доктрины.

Но этого недостаточно. Поэтому, в-пятых, нужна медийная (пропагандистская) поддержка. И в этом смысле обязательна апелляция к чувствам граждан, а чтобы эти чувства не притуплялись, нужна внутривнутриполитическая импликация внешнеполитической доктрины. Абстрактная внешняя угроза мало убеждает людей, она должна быть зримой, враг должен быть культурно чужд и врождённо враждебен. Потому что иначе всегда будет «соблазн» решить вопрос внешней угрозы миром. Если по ту сторону будут такие же люди с их семьями и повседневными заботами, как и тут, то избиратель рано или поздно начнёт винить не противника, а политиков. Для этого нужно создать не просто образ врага, а врага, который по своей сути (как нация, как народ) ненавидит всё хорошее в Америке, который не приемлет свободы, церкви, семьи и всего того, что определяет образ жизни избирателя. Более того, враг должен быть хитёр и коварен. Он должен постоянно угрожать жизненному укладу и политическому строю тут, в США, а не где-то в далёкой Корее или Вьетнаме.

И тогда появляется маккартизм. Справедливости ради, следует сказать, что сам сенатор Джозеф Маккарти стал лишь игрушкой в руках куда более могущественных сил с более далёким горизонтом планирования. Маккарти возглавил комитет по противодействию антиамериканской деятельности в 1950 году, а то, что мы называем маккартизмом, возникло практически одновременно с Доктриной Трумэна, в 1947 году. Историк Роберт Голдштейн, который специали-

зировался на изучении той эпохи, пишет: «Всё началось с указа президента Трумэна № 9835 от 21 марта 1947 г., согласно которому всех федеральных служащих надлежало проверить на “лояльность”». Программу проверки поручили курировать генеральному прокурору, которому предписывалось составить, а затем обновлять и дополнять список неблагонадёжных и подрывных организаций, которые несут чуждую идеологию из-за океана. Англоязычная аббревиатура для этого списка — AGLOSO. Критерии попадания в него были довольно размытыми, но главная проблема была даже не в этом. Вот что пишет Голдштейн: «Несмотря на то, что AGLOSO был предназначен для проверки федеральных госслужащих, с момента опубликования список быстро был взят на вооружение самыми различными общественными и частными организациями, а также местными властями, минобороны, предприятиями ВПК, школами, университетами, гостиницами, министерством финансов и госдепартаментом и служил основанием для увольнения, отказа в найме, а также других форм дискриминации».

Сенатор Маккарти через несколько лет был осуждён коллегами-конгрессменами и уволен со всех постов. Но маккартизм сохранился как негласный механизм проверки политиков и общественных активистов на лояльность истеблишменту и новой доктрине. Сейчас этот механизм работает практически безотказно. Вот, например, слова лидера демократического меньшинства в Палате Представителей Нэнси Пелоси, сказанные уже в 2017 году: «Мы должны как следует разобраться с данной проблемой, выяснить, кто ещё в этой администрации [Трампа] имеет связи с русскими... Это очень важно. Возможно, следует взглянуть на проблему шире и потребовать от разведсообщества составить список неблагонадёжных людей». Что это, если не маккартизм? Мы знаем, как это действует сейчас в США и Европе. Если ты выступаешь за налаживание конструктивных отношений с Россией, хорошо отзываешься о русских, значит ты враг, агент Кремля.

Проблема политической системы США и системы кадрового отбора в политический класс и экспертное сообщество состоит в том, что эта система построена на доктрине Трумэна и на поддерживающем её маккартизме. Хочу ещё раз обратить внимание, что имена Маккарти и Трумэна — это не имена авторов доктрины или людей, непосредственно виновных в нынешнем положении дел. Доктрина была выработана новым либерал-глобалистским истеблишментом, для которого интервенционистская внешняя политика стала способом сохранять свою власть, своё доминирование. Не разделяя положений этой доктрины, практически невозможно попасть в большую политику, журналистику, политологию, стать преподавателем престижного университета и т. д. Всё более поздние доктрины (уже в отношении России, а не СССР) строились на её основе.

Разумеется, после падения железного занавеса, ухода коммунистической идеологии и распада Советского Союза потребовался определённый ребрендинг доктрины. Для Демократической партии в этом смысле проблем особых не было, её партийный истеблишмент придерживался политики либерального интервенционизма всё это время. В любой стране мира, тем более в России, выбранной на роль геополитического противника, которого надо «сдерживать», можно найти изъяны, недостаток либерализма (иногда говорят — демократии, но в действительности речь идёт всегда о либеральных ценностях), то есть можно найти «свободных людей», которых надо защитить. Билл и Хиллари Клинтон и Джо Байден — типичные либеральные интервенционисты.

Сложнее обстоит дело с республиканцами. Часть из них восприняла трумэновскую доктрину ещё в конце 1940-х. И до сих пор есть республиканцы, мыслящие в этой парадигме. Характерный пример — бывший госсекретарь США Коллин Пауэлл, который в 2008 году организовал НКО «Республиканцы за Обаму». Но вместе с принятием внешнеполитической либеральной доктрины они вынуждены были соглашаться и с определённой частью внутривнутриполитической

либеральной повестки. А это подходило не для всех республиканцев, которые с середины 1970-х начали дрейф вправо, стали более консервативными.

Кумир консервативной Америки Рональд Рейган был лидером, для которого проблема «русской угрозы» была устранена в момент, когда СССР отказался от двух вещей: от распространения коммунистической идеологии по всему миру и от преследования верующих в стране. В 1988 году Рейган приезжает в Москву и в прямом эфире отказывается от своих прежних слов в отношении нашей страны, СССР перестаёт быть «империей зла». Более того, он держит неоконсерваторов подальше от себя. Неоконсерваторов, которые сегодня являются самым агрессивным крылом Республиканской партии (неоконы, надо сказать, имеют своих людей в обеих партиях, но в последнее время в основном действуют через республиканцев). Почему-то в отечественной экспертной среде распространено мнение, что неоконы обрели власть при Рейгане. Но это не так. Они оказались у власти при Буше-старшем, но даже он весь свой первый (и единственный, как выяснилось) срок не смел говорить о расширении НАТО на восток — настолько был высок авторитет Рейгана.

И всё-таки отношение к России и русским как к противникам (если не как к врагам) весьма характерно для большинства действующих политиков-консерваторов. Отчасти в этом виноваты неоконы, но об их влиянии мы поговорим чуть позже. Не все республиканцы неоконы, более того, многие влиятельные республиканские политики относятся к ним если не враждебно, то крайне настороженно. Так откуда у большинства республиканцев столь недружественное отношение к России?

Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к корням современной консервативной идеологии. Старая, изоляционистская, идеология потерпела поражение в 1940-е. Творцом новой заслуженно признан Уильям Бакли, соучредитель самого влиятельного право-консервативного издания в США National Review, на обложке которо-

го в феврале 2016 года большими буквами было напечатано: «Против Трампа». Бакли с 1950-х начал свою деятельность по пересборке консервативного движения в США. Составной частью его идеологии стал так называемый внешнеполитический консерватизм. На первый взгляд, внешнеполитический консерватизм очень органично сочетался с рейгановской антикоммунистической риторикой и антисоветской внешней политикой. Но если для Рейгана это был вопрос идеологических расхождений с руководством СССР, то для Бакли это был краеугольный камень современного консерватизма. Если, по Бакли, вынуть его из фундамента консерватизма, всё здание начнёт рушиться — во всяком случае, так казалось Бакли и его последователям. А ведь всё нынешнее поколение американских консерваторов выросло на его работах. Чтобы понять, как думает, скажем, Джон Маккейн или Пол Райан, надо читать Уильяма Бакли.

При внимательном рассмотрении в учении Бакли обнаруживается ещё один важный момент. Он был последовательным сторонником Джозефа Маккарти. В 1954 году вместе со своим зятем Брентом Бозелем он написал книгу (250 000 слов!) под названием «Джо Маккарти и его враги». Характерная цитата из этой книги: «Маккартизм — это движение, вокруг которого люди доброй воли и строгой морали могут сомкнуть свои ряды». Удивительно, как принадлежность Бакли к маккартистам осталась практически незамеченной американским экспертным сообществом, ведь от своих убеждений Бакли не отказался до конца своей жизни.

В 1988 году Бакли обрушился с резкой критикой на Рональда Рейгана за его визит в Москву. На страницах National Review он требовал от президента чуть ли не развернуть борт номер один над Атлантикой. А когда услышал в эфире национального телевидения, что американский лидер более не считает СССР «империей зла», пришёл в неопишемую ярость. «Президент Рейган не понимает, что русские были и всегда останутся такими, как во времена Сталина», — написал Бакли месяцем позже. В 2003 году Уильям Бакли безоговорочно под-

держивает Джорджа Буша-младшего в его интервенции в Ирак. Он также пишет, что отказ России поддержать эту войну является лучшим доказательством того, что они (то есть мы) никогда не станут друзьями Америке. Лишь под конец своей жизни он осознал, какую фатальную ошибку совершил. Его друг и ученик Джеффри Харт в некрологе Бакли написал: «Он рассматривал её [войну в Ираке] как катастрофу и был уверен в том, что консервативное движение, которое он создал, по сути дела, совершило интеллектуальное самоубийство, не удержавшись на дистанции от администрации Буша». Но дело было сделано. Агрессивная внешнеполитическая политика и устойчивое недоверие к России являются характерной чертой большинства американских политиков-консерваторов.

Разумеется, большую роль сыграли и неоконсерваторы. Их неотроцкистская идея о распространении демократии по всему миру (если надо, то и силой оружия) лежит в основе их идеологии. При Рейгане неоконсерваторы держат подальше от Вашингтона, но при Буше-старшем они возвращаются и становятся очень влиятельной силой. Пол Вулфовиц, которого Рейган отправил послом в Индонезию, приезжает в Вашингтон в 1989 году и становится руководителем политического управления Пентагона. К посланию президента Буша-старшего Конгрессу 1992 года он готовит доктрину глобального американского доминирования, которая затем получила название Доктрины Вулфовица. По сути дела, она отвечала на вопрос: что делать неоконсерваторам, когда коммунизм пал? Текст доктрины попадает в руки корреспондентов *The New York Times* и настолько поражает общественное мнение, что Дик Чейни и Коллин Пауэлл спешно переписывают её текст, смягчая формулировки. Но дальнейшие события показали, что Республиканская партия руководствуется именно первым, оригинальным вариантом доктрины. Вот характерная цитата из Вулфовица: «Нашей основной целью является предотвращение появления нового противника на территории бывшего СССР или где-либо ещё... Это главное соображение, лежащее в основе новой региональной обо-

ронной стратегии. Мы должны стремиться предотвратить доминирование любой недружественной силы в регионе, ресурсов которого под консолидированным контролем достаточно для формирования великой державы».

Через влиятельные двухпартийные мозговые центры (такие, как, например, Атлантический совет и Аспенская стратегическая группа) неоконсерватизм и либеральный интервенционизм взаимно обогащаются и постепенно становятся практически единой идеологией. Отличие одной идеологии от другой иной раз носит чисто стилистический или тактический характер. Так, неоконсерватизм более склонен к военным интервенциям (прямым и гибридным) и построению новых демократических режимов на месте разрушенных старых. Либеральные интервенционисты предпочитают заниматься вопросами прав человека, помощью НКО в «неправильных странах» и т. п. Но представители обоих течений единым фронтом выступили против Дональда Трампа и его идеи «поладить с Россией». Обе политические партии в равной степени заражены маккартизмом. Им в принципе непонятно, как можно иметь дело с русскими. Американских политиков и статусных экспертов так воспитали.

Разумеется, не всех. И не только Дональд Трамп, этот политический аутсайдер, несистемный политик, выступает против устоявшейся политической линии истеблишмента. Следует обратить внимание, например, на генпрокурора США Джеффа Сешнса и его ученика Стивена Миллера, который сейчас является советником президента. Миллер под руководством Сешнса, бывшего тогда сенатором от штата Алабама, вместе с коллегами-единомышленниками разработал концепцию «Америка прежде всего» для реалий XXI века. Сенатор-республиканец Рэнд Пол давно и последовательно критикует и либеральный интервенционизм, и неоконсерватизм. С ним во внешнеполитических вопросах солидарна конгрессумен, член Демократической партии Тулси Габбард. Это представители молодого поколения политиков, которое, будем надеяться, наконец, освободится от власти доктрин, выстроен-

ных вашингтонским глобалистским истеблишментом для сохранения своей власти и влияния.

Конечно же, очень многое будет зависеть от успешности Дональда Трампа как президента США. Борьба его с избранием не закончилась. Сейчас как раз начинается все самое сложное. С моей точки зрения, не столь важно, заключит ли он какую-нибудь «большую сделку» с Россией. Куда важнее, сможет ли Америка под его руководством избавиться от идеологических догм, постоянно подпитывающих русофобию.